

ЭПОХАЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ

Жининг

ГЕННАДИЙ
ТРОШЕВ

МОЯ ВОЙНА
ЧЕЧЕНСКИЙ ДНЕВНИК
ОКОПНОГО ГЕНЕРАЛА

ЯУА

МОСКВА
2024

УДК 537(92)
ББК 32г
Т76

Трошев, Геннадий Николаевич.

Т76   Моя война. Чеченский дневник окопного генерала /
Геннадий Трошев. — Москва : Эксмо, Москва : Яуза,
2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-168328-3

События в Чечне от первого лица. Воспоминания генерал-полковника Г.Н. Трошева (1947–2008) — уникальный документ о событиях конца девяностых на Северном Кавказе, правдивый рассказ фронтового генерала о том непростом времени. Тогда генерал Трошев был одним из самых популярных военачальников России, горячо любимым сослуживцами и солдатами. Во время службы на Северном Кавказе Геннадий Трошев прошел путь от командира корпуса до командующего Объединенной группировкой войск Министерства обороны РФ в Чечне.

На страницах книги автор, досконально знакомый с причинами и событиями Чеченской войны, делится своими мыслями и впечатлениями о различных операциях и боестолкновениях, о встречах с мирными жителями и переговорах с сепаратистами, большое внимание уделяется вторжению боевиков в Дагестан в августе—сентябре 1999 г. и последующим событиям.

«Я хоть и ношу генеральские погоны, но в душе был и остался рядовым воином своего Отечества, служение которому является смыслом всей моей жизни», — сказал однажды генерал в интервью. Этим смыслом наполнены и воспоминания Геннадия Николаевича.

УДК 537(92)
ББК 32г

ISBN 978-5-04-168328-3

© Трошев Г.Н., наследники, 2022
© Литературная обработка Аলেখин Г.Т.
© Издательство «Эксмо», 2024
© Издательство «Яуза», 2022

*Родным и близким всех солдат и офицеров,
Воевавших и воюющих на Северном Кавказе,
посвящаю*

От автора

Мой отец, Николай Николаевич, был кадровым офицером, военным летчиком. После окончания Краснодарского авиационного училища его направили на фронт. Войну закончил в Берлине, в мае 1945-го. Через год в Ханкале, пригороде Грозного, он встретил терскую казачку Надю, мою маму.

В 1958 году отец попал под так называемое хрущевское сокращение и был уволен из Вооруженных сил. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров — молодых, здоровых, полных сил и энергии мужиков. Отец крайне болезненно переживал случившееся. Дошло до того, что как-то, с присущей ему прямоотой, рубанул мне: «Чтобы ноги твоей не было в армии!»

Я понимал, что в душе его — незаживающая, мучительная рана. Такое не проходит бесследно. Он ушел из жизни в самом расцвете сил — в 43 года.

Я всегда помнил об отцовском наказе и по окончании школы поступил на архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства. Однако после смерти отца вынужден был, бросив учебу, уехать домой, поскольку семья оказалась в трудном положении. Устроился на работу, помогал матери и сестрам. Но когда пришло время выполнять свой священный долг перед Родиной и надевать военную

форму, я подал рапорт с просьбой зачислить меня курсантом Казанского высшего командного танкового училища, тем самым нарушив запрет своего отца. Уверен, что поступил тогда правильно, и не сомневаюсь, будь жив отец, порадовался бы за сына. И во все не потому, что Трошев-младший дослужился до генерала и стал командующим войсками округа. Отец очень любил армию, и, видимо, это чувство передалось мне. Фактически я продолжил главное дело его жизни, чем и горжусь.

До сих пор с благодарностью вспоминаю своих первых командиров: взводного — лейтенанта Солодовникова, ротного — капитана Корзевича, комбата — подполковника Ефанова, учивших меня азам военной науки.

Спустя почти тридцать лет знания, полученные в стенах училища, а затем и в двух академиях, пришлось применять не только в повседневной жизни, но и на войне. На войне — особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории против бандитов и международных террористов. На войне, которая проходила на моей родине. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась, по большому счету, ни в какие классические схемы и каноны.

Трагические события последних лет на Северном Кавказе неоднозначно воспринимались в нашем обществе в середине 1990-х годов, да и сейчас вызывают споры.

Может быть, я так никогда и не взялся бы за собственные мемуары. Однако вышло в свет уже немало книг, где прямо или косвенно рассказывается о собы-

тиях в Чечне. Удивительно, но большинство авторов страшно далеки от той проблематики, которую затрагивают в своем «творчестве». Они толком не видели и не знают ни войны, ни людей (чьи имена тем не менее фигурируют на страницах книг), ни менталитета местных жителей, ни армии. В общем, благодаря такому легковесному подходу некоторых авторов создана целая мифология вооруженных конфликтов на Северном Кавказе.

Лиха беда начало. Основываясь на этих созданных пишущей братией мифах, начинает разрастаться новая поросль сказок о Чеченской войне. Например, как аксиому уже приняли в российском обществе тезис о полной бездарности и бессилии армии в первой Чеченской кампании. Теперь же, опираясь на этот сомнительный тезис, другое поколение «специалистов по Чечне» строит свои не менее сомнительные концепции и выводы на кривом фундаменте. Что из этого может получиться, кроме уродливой конструкции?

Мне, человеку, прошедшему обе Чеченские войны, участвовавшему в боях с ваххабитами в Дагестане, трудно мириться с домыслами, а то и с откровенной ложью о событиях, которые доподлинно знаю.

Побудило взяться за перо и еще одно обстоятельство. Чеченская война сделала широко известными и в нашей стране, и за рубежом многих политиков, военачальников и даже бандитов. Большинство из них я знал и знаю лично. С одними встречался и общался, с другими был в общем строю — плечом к плечу, с третьими воевал не на жизнь, а на смерть. Мне известно, кто есть кто, что кроется за словами и поступками каждого фигуранта. Однако тот имидж, который создала им пресса или они сами себе, зача-

стью не соответствует действительности. Допускаю, что мои оценки слишком личностные. Но даже в этом случае считаю, что могу публично выразить свое отношение ко многим «прославленным персонажам Чеченских войн». Даже обязан сделать это, хотя бы ради полноты картины.

Рассказать о войне на Северном Кавказе побудило меня и желание предостеречь всех от повторения допущенных в 90-х годах серьезных ошибок, и политических, и военных. Мы должны усвоить горькие уроки Чечни. А это невозможно без трезвого, спокойного и глубокого анализа всех событий, произошедших в этой республике за последние десять лет. Надеюсь, что мои воспоминания будут этому способствовать.

Добрым подспорьем в работе над книгой стали дневники, которые я старался по возможности вести регулярно. Память — вещь ненадежная, поэтому я иногда записывал детально многие эпизоды, давая свои оценки событий. Поэтому читатель найдет немало дневниковых фрагментов.

Не могу не выразить признательности тем, кто помогал в работе: полковнику В. Фролову (офицеру оперативного управления штаба СКВО), подполковнику С. Артемову (начальнику аналитического отдела редакции «Военного вестника Юга России»), другим сотрудникам окружной газеты. Моя особая благодарность военным журналистам полковникам Г. Алехину и С. Тютюннику, которые фактически стали соавторами этой книги.

Задумывая эти мемуары, я видел своих будущих читателей в тех, кто потерял в Чечне родных и близких, кто наверняка хочет понять, за что и как погибали их сыновья, мужа, братья...

Судьба сводила меня на войне с разными людьми: и с политиками, и с военачальниками самого высокого ранга, и с лидерами бандитских формирований, и с простыми российскими солдатами. Мне довелось увидеть их в разных ситуациях. Каждый из них проявлял себя по-разному: кто-то был тверд и решителен, кто-то пассивен и безразличен, а кто-то разыгрывал свою карту в этой войне.

Я предпочитал рассказывать прежде всего о тех, с кем лично встречался, кого видел в деле (например, о Джохаре Дудаеве поэтому не пишу). Но среди действующих лиц немало тех, кто воевал по другую линию фронта. Конечно же, я выразил свое отношение к тем заметным фигурам, чьи фамилии у всех на слуху. Как и в любых мемуарах, авторские оценки спорные, порой очень личные. Но это мои оценки, и думаю, что имею на них право.

В сложной, экстремальной ситуации проявляется как на рентгене вся суть человека, сразу видно, кто чего стоит. На войне есть всё — и трусливость, и глупость, и недостойное поведение военнослужащих, и ошибки командиров. Но это не идет ни в какое сравнение с мужеством и героизмом, самоотверженностью и благородством российского солдата. Ему мы обязаны всем лучшим, что есть в нашей военной истории. Как бы грамотно и красиво командир ни нарисовал на карте стрелу (направление атаки удара), «тащить ее на плечах» придется рядовому бойцу. Нашему российскому солдату нужно в ноги поклониться за то, что вынес на себе тяжелейший груз военных испытаний и не сломался, не пал духом.

К сожалению, далеко не все, с кем плечом к плечу прошел я по трудным дорогам Кавказа, упомянуты

в этой книге. Но я благодарно помнил и буду помнить моих боевых сослуживцев, товарищей по оружию (от солдата до генерала), кто в трудный для новой России час встал на защиту ее целостности. А тем, кто сложил головы на поле брани, низко кланяюсь: вечная им слава!

Глава 1

НАЧАЛО ВОЙНЫ

С КОРАБЛЯ — НА БАЛ

В сентябре 1994-го я находился в длительной командировке в Приднестровье — в составе комиссии по урегулированию конфликта. Незадолго до этого 1-я гвардейская танковая армия, где я был первым заместителем командующего, покинула территорию Германии и передислоцировалась в Смоленск.

Звонок командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина (с которым мы служили в Западной группе войск) застал меня в штабе в Бендерах. «Геннадий Николаевич, не засиделся ли ты в тылу? — шутливо начал разговор Алексей Николаевич. — Пойдешь ко мне командиром 42-го армейского корпуса во Владикавказ?» Я ответил: «Если вы считаете, что подхожу на эту роль, я благодарен за доверие». Говорю, а у самого в голове все перемешалось от столь неожиданного предложения. Командующий, словно почувствовав мои сомнения, продолжал: «Для тебя Кавказ — не чужой, ты вырос здесь... Я знаю тебя хорошо и считаю — справишься. Долго не засидишься — скоро будет освобождаться перспективная должность...» Я спросил: «Сколько времени у меня на обдумывание?» — «Чем быстрее, тем лучше», — ответил Митюхин и, попрощавшись, положил трубку.

Я позвонил жене. Она сказала: «Как решишь сам. Я всегда буду рядом с тобой».

В тот же вечер снова связался с Митюхиным: «Я готов». А через три дня в Ростове уже докладывал ему о своем прибытии.

Мы друг друга хорошо знали. За несколько лет совместной службы у нас сложились доверительные отношения, хотя и не всегда было все гладко.

Митюхин отложил все дела, и мы улетели во Владикавказ. Он очень по-доброму отнесся ко мне. Несколько дней возил по расположению войск, представлял меня офицерам управления корпуса, личному составу 19-й мотострелковой дивизии, 136-й бригады в Буйнакске, 135-й — в Прохладном. Меня это, признаться, удивило. Обычно как бывает: представил на служебном совещании или на Военном совете, и все. А тут такое внимание. Только позже понял, почему он так по-отечески опекал меня: знал, что скоро подразделения 42-го корпуса пойдут в Чечню. Но, разумеется, мне об этом ни слова, ни намека.

Я, конечно, был в курсе, что обстановка вокруг Чечни накаляется с каждым днем. Да и огонь осетино-ингушского конфликта продолжал тлеть. Достаточно сказать, что спустя полгода, после завершения активных боевых действий, мой предшественник на должности командира корпуса генерал-майор А. Корецкий при загадочных обстоятельствах погиб на территории Северной Осетии. Мне рассказывали, как экстремисты пытались захватить наши склады с оружием и боеприпасами, брали в заложники офицеров, в числе коих оказался военный прокурор Владикавказского гарнизона. Словом, обстановка в том регионе оставалась сложной и напряженной.

...В конце поездки Митюхин напутствовал: «Разбейся, вникай. Что не понятно — звони». А через два месяца, в соответствии с указаниями Генерального штаба, войска округа приступили к подготовке и планированию операции. Она имела ряд особенностей:

- во-первых, необходимые мероприятия осуществлялись в крайне короткие сроки;

- во-вторых, для ее проведения создавалась Объединенная группировка войск, включавшая силы и средства различных министерств и ведомств, имеющих свою специфику в решении возложенных на них задач (соединения и части Министерства обороны, внутренних, пограничных и железнодорожных войск, силы и средства ФСБ, ФАПСИ, МЧС);

- в-третьих, поскольку боевую задачу предстояло выполнять на территории одного из субъектов Российской Федерации, предусматривались существенные ограничения в действиях войск;

- в-четвертых, требовался глубокий и многоплановый анализ ситуации, так как данные о внутреннем положении в Чечне и раскладе сил дудаевцев и оппозиции были очень противоречивыми.

Согласно директиве министра обороны, в соответствии с президентским Указом ставилась задача: «...Действиями войсковых группировок под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуться по трем направлениям к Грозному, блокировать его и создать условия для добровольного разоружения незаконных вооруженных формирований (НВФ). В случае отказа — провести операцию по захвату города и в последующем стабилизировать обстановку на всей территории республики».

Я часто вспоминаю те декабрьские дни, когда военные предприняли первые шаги по наведению конституционного порядка. Журналисты сразу окрестили локальную операцию войной, правозащитники — геноцидом чеченского народа, политики — авантюрой. У меня свой взгляд на те события, и в этой книге я старался честно рассказать об увиденном и пережитом.

Любые войны начинают и заканчивают политики. Можно ли считать принятое в декабре 94-го политическое решение о вводе войск авантюрой? В какой-то мере — да. Начиная с 1991 года, когда Д. Дудаев пришел к власти, в республике царили хаос и произвол. А после того как Чечню покинули части Российской армии (1992 год), оставив огромное количество боевой техники, склады боеприпасов, стало ясно, что новый чеченский правитель рано или поздно воспользуется этим арсеналом. И действительно, генерал сразу же стал создавать свои вооруженные силы, исподволь готовиться к войне. А в Москве политики делали вид, будто ничего особенного не происходит.

Уже к началу первой Чеченской кампании Д. Дудаев располагал значительной боевой силой: две бригады, семь отдельных полков, три отдельных батальона. Личного состава: около 5–6 тысяч, а с доукомплектованием в короткие сроки (5–7 суток) — 15–20 тысяч человек. Солидно выглядело и техническое боевое оснащение: танков — 42; БМП, БТР — 66; орудий и минометов — 123; средств ПВО — 40; почти 42 тысячи единиц стрелкового оружия. Кроме того, в населенных пунктах были созданы «отряды самообороны» общей численностью до тридцати тысяч человек. Фактически целая армия, хорошо укомплектованная и вооруженная.

Как-то я прочитал в газете «Труд» своеобразную

исповедь бывшего министра обороны П. Грачева. Есть там и рассказ о памятном заседании Совета безопасности (в конце ноября 94-го года), на котором фактически и было принято решение об использовании армии для разрешения «чеченской проблемы». Позволю себе привести выдержки из этой публикации:

«Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне все нормально: «в результате работы с населением» мы достигли прогресса — 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные тридцать в основном нейтральны. Соппротивление окажут только отщепенцы. Егорова тогда называли не иначе как «вторым Ермоловым» на Кавказе. На том заседании Совбеза меня просто взбесила его фраза о том, что чеченцы «будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой».

Позже Павел Сергеевич, как бы оправдываясь, говорил, что пытался убедить членов Совбеза в нецелесообразности ввода войск, особенно в декабре. Если уж и делать это, то только весной. А до этого оказывать экономическое давление. Но такого рода варианты дружно отвергались. В штабы ушли директивы о подготовке и проведении операции.

Для выполнения намеченного были созданы группировки войск на нескольких направлениях. На Владикавказском — сводный отряд из подразделений моего корпуса. Руководил им мой заместитель генерал-майор В. Петрук. Маршрут выдвижения — Чермен, Новый Шарой, Алхан-Юрт. Задача формулировалась следующим образом: «С подходом к участкам сопротивления на маршруте выдвижения огнем артиллерии и ударами авиации нанести поражение

вооруженным формированиям и продолжить выдвижение в указанный район». Понимаю, что язык военных часто не вписывается в литературные каноны. Но ведь свой язык и у представителей других профессий. И не всегда он поддается упрощениям.

На рассвете 11 декабря сводный отряд начал движение, но уже к полудню поступили тревожные доклады: на мосту, при въезде в г. Назрань, колонна остановлена местными жителями, которыми руководили вооруженные ингушские милиционеры, сожгли 10 наших автомобилей, 6 перевернули. В 17 часов 15 минут начальник штаба доложил, что в районе Гази-Юрта со стороны леса по колонне машин открыта стрельба из автоматического оружия. Появились первые жертвы — убит рядовой Виталий Масленников.

Его фамилию я запомнил. Это был первый мой подчиненный (а может быть, первая жертва Чеченской войны), который погиб даже не в бою, а от выстрела из-за угла. О чем я подумал тогда, слушая поступавшие доклады об убитых и раненых? Не буду кривить душой, не помню. Но было ощущение общей тревоги, какой-то неразберихи, полуправды. Впрочем, то же состояние испытывали многие офицеры нашего корпуса. На других направлениях выдвижения такая же картина: из-за живого щита, составленного из стариков, женщин, детей, выскакивали мужчины с заточенными металлическими штырями и протыкали колеса, специальными крючьями обрывали трубки бензопроводов и тормозов. Многие места на маршруте следования колонны минировались. В общем, в те дни Ингушетия превратилась в очаг сопротивления. Уже только по одному этому признаку стало понятно, что походным маршем в Чечню нам не войти.

ШТАБНЫЕ ЗАМОРОЧКИ

Не секрет, что многие командиры с большими звездами, начальники федерального уровня, полагали, что достаточно выйти к Грозному, пальнуть пару раз в воздух, и на этом все закончится. Именно метод устрашения лежал в основе спешно утвержденного плана операции. Как позже выяснилось, его одобрили на самом верху без единого замечания. Потому что никто толком в план и не вникал. В результате приходилось вносить существенные коррективы и, что называется, перестраиваться по ходу дела.

Вот лишь один штрих. Вся тяжесть планирования операции легла на штаб Объединенной группировки войск, созданный на базе штаба СКВО. А прикомандированные представители Генштаба (несколько сот человек!) выступали в роли консультантов, не неся никакой ответственности за свои «консультации». Мало того что буквально задержали офицеров округа, мешая методичной работе, они не выполнили главную свою функцию: по существу, не предоставили штабу необходимых четких данных о вероятном противнике, степени его готовности, возможном характере боевых действий, ориентировки на командиров незаконных вооруженных формирований и т.п. Фактически планирование операции осуществлялось вслепую.

Могут возразить: но ведь добывать сведения о бандах обязаны спецслужбы — Главное разведуправление (ГРУ), ФСБ (тогда Федеральная служба контрразведки)... Они, мол, и есть главные виновники.

Этот довод в какой-то мере справедлив, но вовсе не снимает ответственности за головоуятие целой оравы понаехавших непонятно зачем московских ге-

нералов и полковников. Шумиха, суета, атмосфера «начальственного психоза» — все это явно не содействовало нормальной штабной работе. В общем, лиха беда — начало.

Исходя из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения, командование приняло решение: на первом этапе операции осуществлять выдвижение и вести боевые действия, как правило, до 15–16 часов (пока светло), после чего части и подразделения должны были занимать районы сосредоточения, соблюдая все меры боевого обеспечения. Учитывая, что боевики будут держать на особом прицеле пункты управления, планировалось менять их местоположение через каждые 5–6 часов. Однако такая тактика не дала желаемых результатов, наоборот, замедление темпа продвижения наших войск позволяло противнику наращивать усилия на важных направлениях и наносить удары по расположению наших частей и подразделений.

Действия войск к этому времени приобрели шаблонный характер: 2–3 часа боевой активности днем, причем только при поддержке авиации, и полная пассивность в остальное время суток. Реальной становилась угроза уступить инициативу дудаевцам, которые постоянно держали в напряжении наши части. Очень скоро они приспособились к подобным стандартным приемам, заранее подтягивая дополнительные силы в опорные пункты, перед которыми останавливались наши колонны.

Проведенный через десять дней тщательный анализ действий ОГВ выявил существенные упущения и недостатки.